

Для цитирования: Антонова, Н. В.
Искусственная социальность
как потенциальная форма
«новой нормальности» / Н. В. Антонова //
Социум и власть. — 2025. —
Т. 22. — № 1. — С. 24–45. —
DOI 10.22394/1996-0522-2025-1-24-45. —
EDN LGLNGV.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

БАК 5.7.7, 5.7.8

УДК 141.201+ 316.4.063.6

EDN LGLNGV

DOI 10.22394/1996-0522-2025-1-24-45

ИСКУССТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ФОРМА «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

Антонова Наталья Викторовна,
Южно-Уральский государственный
университет,
доцент кафедры социологии,
кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
ORCID 0000-0001-6482-5739
SPIN 9890-3790
E-mail: antonovanv@susu.ru

Аннотация

В статье исследуется сущность искусственной социальности как потенциальной формы «новой нормальности», а также описываются возможные антропологические трансформации в новой социальной реальности. Понятие «новой нормальности» как кризисного состояния общества раскрывается через экономические, политические и социально-культурные аспекты, указываются ее ключевые особенности. Сквозь призму последних анализируется особая форма социальности, формирующаяся в цифровом обществе, называемая «искусственной социальностью». Для этой цели рассматриваются основные риски, связанные с внедрением

технологий искусственного интеллекта (включая его гибридные формы при интеграции с другими цифровыми технологиями) в социальной, политической и экономической сферах, отмечается их схожий характер и способность воспроизводить сущностные характеристики «новой нормальности». Дается общее описание сути явления искусственной социальности, обозначаются ее основные черты и отмечается, что искусственная социальность обладает всеми чертами «новой нормальности» в ее кризисном значении. Также в статье описываются антропологические трансформации, потенциально возможные в искусственной социальности, сущность которых определяется в контексте взаимодействия человека с искусственным интеллектом и другими цифровыми технологиями. Делается вывод о маргинальном положении «человека разумного» в среде искусственной социальности. В заключении отмечается, что искусственная социальность пока только формируется, а значит, есть возможность избежать кризиса при условии равноправного сотрудничества человека и искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

новая нормальность,
искусственный интеллект,
искусственная социальность,
цифровое общество,
цифровые технологии,
антропологические трансформации

Статья поступила: 15.07.2024

Рецензии получены: 09.03.2025

Принята к публикации: 12.03.2025

Права: © Антонова Н. В. (2025).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

В современном мире технологии искусственного интеллекта все шире внедряются в различные общественные практики. Экономические отношения, политическая деятельность, образование, медицина, культура и искусство, городская инфраструктура, индустрия досуга, бытовая сфера практически прошли точку невозврата, когда откат к «жизни ДО» сравним с социальной деградацией. Любая научно-техническая революция в истории человечества качественно меняла образ жизни людей, наше существование с каждым техническим изобретением становилось все более комфортным, но благодаря усилиям естественного, человеческого интеллекта. Человек преображал жизнь вокруг себя, совершенствуясь сам. Однако сегодня и, судя по имеющимся тенденциям, в будущем основная заслуга в улучшении жизни будет принадлежать уже искусственному интеллекту.

В настоящее время проблема внедрения искусственного интеллекта в повседневную практику все чаще обращает на себя внимание исследователей. Выгоды и риски от использования технологий искусственного интеллекта одинаково часто освещаются на страницах как научных, так и научно-популярных изданий. Понятие искусственной социальности остается пока мало исследуемым, а термин «новая нормальность» употребляется главным образом в контексте пандемии коронавируса и экономических кризисов. Однако, на взгляд автора, данные концепты позволяют подвести исследования негативных последствий применения искусственного интеллекта под общий знаменатель — показать, что выявляемые риски являются составными элементами новой кризисной реальности, становление которой уже прошло точку невозврата и в которой под угрозой окажется смысл человеческого существования. Этому вопросу и посвящена данная работа.

Цель данной статьи — определить социальные контуры искусственной социальности как потенциальной формы

«новой нормальности» и описать возможные антропологические трансформации в новой социальной реальности. Для ее реализации в данной работе были поставлены следующие задачи:

- проанализировать концепт «новой нормальности» (данной теме уделяли внимание А. Бозкурт, А. С. Булатов, Дж. Бховмик, К. С. Гаджиев, Л. Г. Галуппо, М. Дасгупта, Ш. Денталли, Р. Дж. Дзуффо, С. А. Кравченко, Т. Линден, М. Митчелл, С. Наваза, С. М. Плиев, З. Петрилли, С. К. Рипамонти, Р. Шарма и др.);
- исследовать суть явления искусственной социальности (тема раскрывается в статьях И. Депунти, Г. Г. Малинецкого, С. Наталя, А. В. Резаева, А. В. Смирнова, В. С. Смолина, Е. П. Тавокина, Н. Д. Трегубовой и др.);
- рассмотреть основные риски, связанные с внедрением искусственного интеллекта (в т.ч. в гибридных формах при объединении с другими цифровыми технологиями) в различные сферы общества, формирующие социальные контуры искусственной социальности как потенциальной формы «новой нормальности» (проблемы внедрения искусственного интеллекта и других цифровых технологий освещаются в работах А. В. Андреевской, Д. Е. Добринской, И. Ю. Замчаловой, Р. Д. Имамеевой, С. И. Коданевой, Н. А. Коровниковой, Т. С. Мартыненко, А. В. Одинцова, О. В. Рогач, М. А. Сучкова, Е. В. Фроловой и др.);
- определить потенциальный статус человека в среде искусственной социальности (проблема человека в мире искусственного интеллекта и других цифровых технологий находит отражение в исследованиях И. С. Буйняковой, М. Герлиха, В. И. Игнатьева, Ю. Ю. Петрунина, М. А. Положихиной и др.).

В работе применялись общенаучные методы исследования: сравнение

(для сопоставления концептов «новой нормальности» и искусственной социальности), обобщение результатов отечественных и зарубежных исследований (с целью более четкого определения характеристик «новой нормальности» и искусственной социальности), анализ (для выявления сущности искусственной социальности), синтез (с целью формулирования определений «новой нормальности» и искусственной социальности), абстрагирование (акцент на потенциальных и реальных рисках использования технологий искусственного интеллекта, а не на их преимуществах, обусловленный логикой исследования), описание (для фиксации отношений человека и искусственного интеллекта), моделирование (для описания возможных антропологических трансформаций в искусственной социальности), дедукция (для формирования выводов исследования).

Понятие «новой нормальности»

Термин «новая нормальность» стал широко употребительным после прочитанной в 2009 году Мохамедом Эль-Эрианом (El-Erian) лекции о последствиях случившегося годом ранее мирового экономического кризиса. Среди причин кризиса им были названы сбои в управлении рисками практически на всех уровнях общества, устаревшие инфраструктуры и потерявшие актуальность системы управления и стимулирования как в государственном, так и в частном секторах экономики. По утверждению автора, он вводит термин «новая нормальность», чтобы показать, что возвращение экономики к нормальному (докризисному) состоянию будет более сложным, чем это представлялось ранее, а кризис оставил более глубокий след, чем просто «рана на теле, легко заживающая со временем». М. А. Эль-Эриан полагает, что вызовы «новой нормальности», с которыми столкнулись индустриальные страны в посткризисном мире, связаны с медленным темпом экономического роста, стабильно высоким уровнем безработицы, дефицитом госу-

дарственного бюджета и возросшим государственным долгом, неопределенностью регулирования и увеличившимся влиянием политики на экономику. В заключении автор подходит к идее о том, что в целях минимизации перечисленных негативных последствий необходимо выйти за рамки вопроса «Что нужно делать, чтобы решить сегодняшние проблемы?» и прежде всего ответить на вопрос «Почему это произошло?», иначе кризисные процессы по инерции будут развиваться дальше и шире [25].

Таким образом, в контексте идей М. А. Эль-Эриана «новая нормальность» предстает как посткризисное состояние общества, переживающего последствия турбулентности, назревавшей в течение длительного времени, характеризующееся драматичными трансформациями не только в экономической сфере, но и затрагивающими социальные и политические процессы, которые будут продолжаться до тех пор, пока не будут решены проблемы, спровоцировавшие кризис.

В последующих двух десятилетиях термин «новая нормальность» все чаще появляется на полях отечественных и зарубежных научных исследований — ее проявления изучаются применительно ко всем сферам общества, оказавшегося в состоянии неопределенности, вызванной не только мировым экономическим кризисом и санкциями, но и политическими трансформациями на международной арене, а также пересмотром традиционных культурных ценностей.

Так, А. С. Булатов делает акцент на экономических отношениях, представляя «новую нормальность» как ситуацию, в которой отмечается стремительное возникновение неизвестных ранее явлений с низкой степенью их предсказуемости, что приводит к возрастанию неопределенности и нестабильности поведения экономических акторов, которое все больше подвергается влиянию социальных, культурных и политических факторов [3].

По мнению К. С. Гаджиева, сконцентрировавшего свое внимание на поли-

тическом аспекте, развитие общества в современном мире слабо подчиняется закономерностям и больше напоминает неупорядоченный набор накладывающихся друг на друга, но не всегда имеющих взаимосвязь явлений и процессов. Автор приходит к выводу о том, что происходящие в мире радикальные изменения — распространение практик национализма, международного терроризма, расшатывание основ однополярного порядка, нарушение международного права, переоценка прав и свобод человека, изменение направления глобализации, развязывание санкционных войн — погружают общество в состояние неустойчивости и неопределенности, требуя новых ответов на новые вызовы [4].

С. М. Плиев также анализирует политическую сторону «новой нормальности», характеризуя последнюю как такое состояние политических отношений, когда выработка и реализация политических решений осуществляется под влиянием неприемлемых ранее факторов — откровенно ложной информации из СМИ, искажения исторических фактов, сиюминутных лидеров мнений, модных веяний. Для автора «новая нормальность» — это ситуация, когда то, что считалось недопустимым ранее, становится нормой сегодня [14].

Социально-культурные основы «новой нормальности» являются предметом исследования у С. А. Кравченко. Вместо термина «новая нормальность» автор использует термин «нормальная аномия», которую представляет в качестве все возрастающего комплекса социальных уязвимостей как результата нежелательных явлений, возникающих в процессе рационально-прагматических и инновационных действий человека. Прочно укрепившийся в современном обществе космополитизм утверждает ранее неизвестные «глобальные нормы», касающиеся морали, семьи, образования, религии, что ведет, как логично замечает автор, «к концу нормативной определенности», а «безнормие» становится нормой в современном мире [10].

Таким образом, можно согласиться с исследователями в том, что происходящие изменения, порождающие состояние неопределенности и нестабильности, носят необратимый характер во всех сферах общественной жизни, но прежде всего трансформируется само понятие «нормального», в результате чего происходит постепенное привыкание к кризисным явлениям.

В последние несколько лет катализатором развития «новой нормальности» стала пандемия новой коронавирусной инфекции. Она не только обострила уже существующие в современном мире политические и экономические проблемы, придав им новый оттенок, но и добавила новые.

Как отмечают А. Бозкурт и Р. Шарма (Bozkurt & Sharma), коронавирусная пандемия стала не просто кризисом — она изменила наше представление о мире, о привычных жизненных практиках, о том, что вообще считается «нормальным». По мнению авторов, понятие «норма» является относительным по своей природе, и в настоящее время у нас есть различные его производные: «норма», «новая норма» и «следующая норма». При этом, как справедливо отмечают исследователи, «новая норма» одного может быть просто «нормой» для другого или стать «следующей нормой» для третьего [23].

С. Наваз, Дж. Бховмик, Т. Линден и М. Митчелл (Nawaz, Bhowmik, Linden, & Mitchell), исследуя влияние пандемии COVID-19 на изменение форм активности людей, показывают, что одну из центральных ролей в процессе приспособления к «новой норме» сыграли цифровые медиа и коммуникационные технологии: существенно повысился уровень участия на платформах социальных сетей, потребления онлайн-контента (видео и подкасты), использования различных онлайн-инструментов для рабочих встреч и социальных взаимодействий, что, по мнению авторов, поможет в дальнейшем в регулировании процесса адаптации людей к изменяющимся реалиям [29].

В то же время, как замечает М. Дасгупта (Dasgupta), сосредоточившись на

кризисных изменениях в социальной сфере в период пандемии, множество новых социальных норм и практик, затрагивающих повседневную жизнь людей (среди которых — необходимость физического дистанцирования, дистанционное обучение, поддержание социальной солидарности) еще больше усугубили социальную изоляцию, маргинализацию отдельных сообществ, социальную стигматизацию, спровоцировали всплеск домашнего насилия и привели к финансовой нестабильности, цифровому разрыву, а также способствовали развитию депрессии и других психических расстройств [24].

С. К. Рипамонти, Л. Г. Галуппо, Э. Петрилли, Ш. Денталли, Р. Дж. Дзуффо (Ripamonti, Galuppo, Petrilli, Dentali & Zuffo,) изучали «новую нормальность» в контексте влияния пандемии на производственную систему, которая столкнулась с неразберихой и целым рядом критических моментов, поставивших под сомнение само существование многих производственных реалий. Вынужденные работать из дома, в удаленном формате, работники испытывали перманентный стресс из-за постоянного контроля их присутствия в деловых сетях, недоступности неформальных взаимодействий с коллегами и из-за того, что работа медленно «захватывала» все частное пространство их жизни. Менеджеры и сотрудники стали постоянно доступными [для рабочих звонков, онлайн-встреч]. Причем подобная ситуация из-за сохранения дистанционного формата работы в некоторых организациях продолжает существовать и в постпандемийный период. Поэтому, заключают авторы, важно сформировать новое управленческое мышление, способное иметь дело с вызовами новой реальности, а не стремиться упрощать проблемы [31].

Как можно заметить, в большинстве работ подчеркивается, что пандемия COVID-19 стала демаркационной линией между нормальной жизнью и «новой нормальностью», и для того, чтобы решить посткризисные проблемы, необходимо трансформировать по-

вседневные практики и способы мышления так, чтобы они соответствовали изменившимся реалиям, поскольку к старым вернуться уже не представляется возможным. Однако при этом не следует забывать о том, что хотя адаптация к «новой норме» и поможет пережить кризис, но социально-культурная преемственность является одной из важнейших основ стабильности общества, поэтому представляется логичным вписать новые практики в уже существующие так, чтобы нововведения гармонично сочетались с традициями, обеспечивая сбалансированность и устойчивость социальной системы.

Таким образом, в исследованиях различных аспектов (экономического, политического, социального и культурно-нормативного) «новой нормальности» как новой формы социальной реальности выявляются следующие ее признаки:

- нарушение равновесия социальной системы;
- рост неопределенности в ситуации столкновения с неизвестными ранее явлениями;
- отсутствие стабильности и предсказуемости в поведении акторов;
- трансформация привычных жизненных практик;
- снижение качества жизни и увеличение числа социальных рисков;
- утверждение в качестве «новой нормы» того, что в докризисное время определялось как девиация в ее негативном аспекте;
- амбивалентность норм, размывание моральных ориентиров.

С подобным состоянием человечество сталкивается не впервые: кризисы сопровождали времена научно-технических революций, свержения правителей, распространения новых религий. Однако, по мнению С. М. Плиева, кризисы способны привести к возникновению «новой нормальности» только в случае их длительного воздействия на общество, в результате чего становится возможной институционализация но-

вых форм отношений [14]. И поскольку рассмотренные выше процессы в современном мире разворачиваются уже в течение одного-двух десятилетий, постепенно усугубляясь, то есть все основания говорить о формировании новой социальной реальности, складывающейся в результате «опривычивания» кризисных явлений, которая может быть названа «новой нормальностью».

Исходя из этого представляется возможным сформулировать следующее определение: «новая нормальность» представляет собой такое состояние общества, которое характеризуется разбалансированностью его основных систем, неопределенностью будущего развития, привыканием к негативным явлениям в социальной, культурной, экономической и политической сферах, амбивалентностью культурных норм, трансформацией повседневных практик, снижением качества жизни и психологической устойчивости широких слоев населения.

Социальные контуры искусственной социальности

В настоящее время катализатором социальных изменений помимо политических и экономических потрясений, новых угроз пандемии являются цифровые технологии, среди которых наиболее значимую роль играют развивающиеся с высокой скоростью технологии искусственного интеллекта. В самом общем значении искусственный интеллект можно определить как систему интеллектуальных машин и программ, моделирующую когнитивные способности человека и, как следствие, достигающую при выполнении определенных задач результатов, сравнимых или превосходящих достижения «естественного» интеллекта.

Хотя понятие «искусственного интеллекта» было предложено Джоном Маккарти еще в 1956 году, связанные с ним надежды оправдались лишь 55 лет спустя, когда начался процесс массового превышения человеческих возможностей с помощью примене-

ния различных технических устройств и систем [27]. В современном обществе многие повседневные практики реализуются посредством различных цифровых технологий, благодаря процессам цифровизации формируется искусственная цифровая социальная среда. Однако быстрее всего развивается искусственный интеллект, который внедряясь в уже существующие цифровые инструменты, формирует цифровые гибриды с гораздо большей производительностью и силой влияния. Примерами являются искусственный интеллект вещей (AIoT), большие данные в интеграции с искусственным интеллектом (BDAl), виртуальные ассистенты на базе искусственного интеллекта, расширенная реальность (XR) — технологии, меняющие реальность путем объединения реальной и цифровой действительности, включающие дополненную и виртуальную реальность, и другие. Таким образом, искусственный интеллект постепенно становится центральным звеном практически любой цифровой технологии и именно с ним сегодня связаны как надежды на ускоренный прогресс общества, так и опасения по поводу социокультурной деградации¹. Изначально разработанный и «обученный» человеком, искусственный интеллект превращается в самостоятельного актора (что нашло отражение в понятии «агент искусственного интеллекта») и начинает формировать особые связи с «естественной» социальной средой, трансформируя ее в цифровую. В результате возникает особая форма социальности, называемая «искусственной социальностью».

Это относительно новое в научном дискурсе понятие, у которого до сих

¹ Так, например, в 2022 году в США был основан «Центр безопасности искусственного интеллекта» (CAIS) — некоммерческая организация, способствующая более безопасному развитию и применению технологий искусственного интеллекта. В мае 2023 года им было опубликовано заявление о рисках исчезновения человечества из-за искусственного интеллекта, которое подписали десятки ученых, журналистов и программистов, непосредственно занимающихся технологиями искусственного интеллекта. URL: <https://www.safe.ai/work/statement-on-ai-risk#open-letter> (дата обращения: 23.02.2025).

пор нет четкого определения. С. Наталь и И. Депунти (Natale & Depounti) определяют искусственную социальность как совокупность практик и технологий, воспроизводящих социальные нормы и модели поведения с целью заставить машины коммуницировать с человеком [28]. Похожее определение дают и отечественные ученые А. В. Резаев и Н. Д. Трегубова, которые обозначают «искусственную социальность» в качестве практик участия агентов искусственного интеллекта в различных спектре социальных взаимодействий [16]. В последующей работе авторы добавляют, что развитию искусственной социальности способствуют три вида взаимосвязанных явлений:

- взаимодействия в системе «человек — человек», осуществляемые при посредничестве машин (например, общение в социальных сетях);
- взаимодействия в системе «человек — машина» (например, работа программистов и дети, играющие в компьютерные игры);
- взаимодействия между машинами (компьютерами) [30].

С. Наталь и И. Депунти, анализируя развитие искусственной социальности, утверждают, что большую роль в этом процессе играет расширение сферы коммуникаций между человеком и машинами, обусловленное внедрением генеративного искусственного интеллекта. Причем, как замечают авторы, моделирование «человеческой социальности» теперь осуществляется нейронными сетями автоматически и автономно. К цифровым инструментам, активизирующим искусственную социальность, исследователи относят большие языковые модели (например, чат-боты), голосовых помощников, виртуальных инфлюенсеров, социальных ботов и чат-ботов-компаньонов (например, Replika). Вместе с тем авторы предупреждают, что искусственная социальность является социальной только в глазах пользователя: это не что иное как результат наблюдения за поведением машин с точки зрения лю-

дей, которые проецируют социальные представления на такое поведение. Цель применения цифровых инструментов состоит не в том, чтобы заставить пользователей поверить в то, что эти компоненты программного обеспечения являются социальными, а в том, чтобы создать ощущение присутствия и непрерывности во взаимоотношениях, помогая пользователям интегрировать их в свою повседневную жизнь и окружение. Искусственная социальность, резюмируют исследователи, создает только видимость социальности [28].

Е. П. Тавокин критикует сам факт введения данного концепта, утверждая, что никакой «искусственной социальности» не существует и не может существовать в принципе: социальность может быть только естественной, присущей исключительно человеку, и никакие технические новшества не способны изменить ее природу [19]. Возможно, категоричность суждения данного автора обусловлена тем, что многие аспекты «искусственной социальности» и большая часть возможностей искусственного интеллекта пока остается потенциальной, а не свершившимся фактом.

Таким образом, исходя из приведенных исследований искусственную социальность можно описать следующим образом: это сложноорганизованная система взаимодействия человека с цифровыми технологиями, формирующаяся в результате переноса социальных взаимодействий в цифровую среду, широкого распространения алгоритмического управления в разных сферах социума, делегирования социальных функций индивида машинам. При этом необходимо отметить, что в настоящее время именно технологии искусственного интеллекта в большей степени определяют суть «искусственной социальности», являясь ее системообразующим фактором.

Учитывая сверхскоростной прогресс цифровых технологий на основе искусственного интеллекта и невозможность в полной мере спрогнозировать те качественные изменения, к которым

они способны привести, а также риск потери контроля над возможными негативными сценариями развития, мы можем сделать предположение о том, что искусственная социальность станет формой «новой нормальности» с ее нестабильностью, неопределенностью, трансформацией «нормального» и ростом социальных уязвимостей.

Чтобы обосновать данное положение, рассмотрим результаты ряда исследований проблем внедрения технологий искусственного интеллекта и других цифровых технологий (в том числе их гибридных форм) в различные сферы социальной реальности с целью выявить их возможную взаимосвязь с характеристиками «новой нормальности».

Так, А. В. Смирнов, описывая теоретическую модель цифрового общества, анализирует такие его важные характеристики, как сверхсвязность, платформизацию, датификацию и алгоритмическое управление. Автор отмечает, что сверхсвязность (высочайший уровень внедрения цифровых технологий в повседневность), обусловленная интернетом вещей и искусственным интеллектом, позволяет человеку экономить время, повышать образовательный и культурный уровни, но при этом порождает новые формы зависимостей, способы слежки, а также распространение недостоверной информации. Внедрение цифровых платформ в разные сферы жизни (платформизация) «оцифровывает» такие аспекты социальных взаимодействий, как общение (все чаще осуществляемое в мессенджерах и социальных сетях), процессы купли-продажи, реализуемые на электронных маркет-плейсах и электронных каталогах объявлений, поиск работы через онлайн-сервисы, формируя вполне реальный, хотя и не полностью идентичный реальному виртуальный жизненный мир. Применение цифровых технологий создает цифровые следы социальных взаимодействий (датификация), к которым относятся записи о совершаемых действиях, фиксация социального поведения через цифровые

технологии, в результате чего формируется некая форма «оцифрованной жизни», заключающаяся в переводе реальных действий в виртуальную форму. Из-за того, что основными выгодоприобретателями датификации, как и платформизации, являются крупнейшие корпорации, актуализируются проблемы социального неравенства в отношении доступа к информации и возможности контроля гражданами производства данных, касающихся их личности. Благодаря алгоритмическому управлению как способу упорядочения отношений между акторами, конструируется новая социальная среда [17].

Таким образом, описанные исследователем процессы формируют внутреннюю среду «искусственной социальности», которая характеризуется нарушением равновесия социальной системы, вызванным главным образом усугублением социального неравенства, и трансформацией привычных жизненных практик.

В качестве одного из преимуществ внедрения технологий искусственного интеллекта называют достижимость справедливого распределения ресурсов, возможностей или информации в широких кругах населения¹. Однако это не избавляет общество от проблемы социального неравенства, порождая его новую форму — цифровую, находящую отражение в понятии «цифрового разрыва». Т. С. Мартыненко и Д. Е. Добринская, изучая проблему цифрового разрыва, большую значимость в его возникновении придают алгоритмам. В настоящее время алгоритмы активно применяются в коммуникативных процессах и управленческих практиках, помогают в принятии решений, выполняют функцию контроля, формируя тем самым контуры искусственной социальной среды. Однако, по замечанию авторов, алгоритмы могут демонстрировать предвзятость или ошибаться из-за сбоев в процессе их программирования или кодирования. При этом рядовые

¹ Принципы и подход ответственного ИИ. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/ai/principles-and-approach> (дата обращения: 02.02.2025).

пользователи обычно не сомневаются в объективности алгоритмических систем, в результате чего алгоритмы становятся обладателями особого культурного авторитета. В качестве негативных последствий действий алгоритмов исследователи справедливо называют нарушение демократических основ цифрового пространства, ограничение в выборе жизненных траекторий, включая барьеры на пути к карьерному и личностному росту, установление контроля над свободой слова и самовыражения, гендерную и расовую дискриминацию пользователей, затрудненное формирование полной и объективной картины социальной реальности. В некотором смысле алгоритмы начинают заниматься переопределением границ добра и зла, выступая как высшие «этико-политические существа» [11]. Сделанные Т. С. Мартыненко и Д. Е. Добринской выводы вполне вписываются в рассмотренную ранее картину «нормальной аномии» с ее амбивалентностью культурных норм и ростом социальных уязвимостей, представленную С. А. Кравченко.

Безусловно, технологии искусственного интеллекта во многом упрощают жизнь людей. Так, например, ChatGPT, появившись в 2022 году, обозначил начало новой технологической революции. По оценкам бизнес-аналитиков, искусственный интеллект способствовал повышению производительности труда и эффективности сотрудников, сумел улучшить сервис, уменьшить количество рутинных задач и человеческих ошибок, а также сократить расходы. По мнению советника гендиректора Ассоциации «ФинТех» Алексея Сидорюка, усовершенствованный искусственный интеллект будет четче понимать текущий информационный контекст, генерировать полноценное видео, сценарии встречи, определять основные тезисы и договоренности, цели и задачи в системе управления. Считается, что это сэкономит время сотрудников для выполнения более сложных задач и творческой работы¹. Однако творче-

ство также становится одним из умений искусственного интеллекта. Так, генеративные языковые модели уже способны создавать художественные произведения, в следствие чего актуализируются проблемы авторских прав, которые пока не имеют решения². Помимо этого, творческий вклад человека может быть ограничен или вовсе поставлен под сомнение.

Подобные противоречия в развитии и применении технологий искусственного интеллекта можно найти практически в любой сфере общества. К примеру, рассмотрим сферу занятости. Изменения на рынке труда неизбежны — искусственный интеллект будет развиваться с такой высокой скоростью, что новые профессии, появившиеся с целью контроля качества работы искусственного интеллекта, будут, скорее всего, так же быстро терять актуальность. В результате работникам придется в режиме нон-стоп осваивать новые компетенции, чтобы соответствовать уровню более эффективных коллег-роботов³. Вследствие этого наемные работники окажутся в уязвимом положении, сталкиваясь с чрезмерной конкуренцией со стороны машин, постоянным контролем, предубеждениями работодателей и в итоге высоким риском потерять работу [11].

Рассмотренные примеры демонстрируют такие значимые характеристики «новой нормальности», как рост числа уязвимостей и неопределенности в ситуации столкновения с неизвестными ранее явлениями.

В современном мире искусственный интеллект все шире проникает и в пространство политических отношений. Среди рисков внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу государственного управления С. И. Коданева называет следующие:

vedomosti.ru/partner/articles/2024/05/22/1038663-iskusstvennii-intellekt (дата обращения: 26.02.2025).

² Как авторы используют ИИ и кому принадлежит такое творчество. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/65afd5179a7947466379c0bd?from=copyhttps://trends.rbc.ru/trends/industry/65afd5179a7947466379c0bd?from=copy> (дата обращения: 26.02.2025).

³ Там же.

¹ Как искусственный интеллект поднимет общение в офисе на новый уровень. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2024/05/22/1038663-iskusstvennii-intellekt>

- невозможность сконструировать социальную систему во всей полноте социально значимых критериев (таких как, например, справедливость);
- неспособность понимания разных по эффективности действий алгоритмов в различных социальных средах;
- неспособность понять эффекты воздействия внедряемых технологий на уже сложившееся поведение и ценности людей в существующей социальной системе;
- неспособность признать тот факт, что наиболее эффективное решение проблемы может быть получено и без использования технологий искусственного интеллекта [8].

Последнее вполне объясняется возросшим уровнем зависимости от технологий, что уже определяется как «новая норма». При этом теряется способность самостоятельного принятия решений, а амбивалентность культурных норм и высокий уровень стандартизации препятствуют реализации принципов социальной справедливости.

Помимо этого, всегда есть риски неверного определения того, как именно искусственный интеллект будет принимать решение и как его можно остановить, если это срочно потребуется, потому как нет гарантии, что машина и человек будут одинаково воспринимать происходящее событие. В таком случае есть вероятность, что супер-ИИ будет способен создавать подобные себе и превосходящие по способностям системы, что в итоге повлечет за собой исключение человека из процесса принятия решений¹.

По этой же причине технологии искусственного интеллекта потенциально содержат огромные риски и для международной безопасности на фоне высокой степени милитариза-

ции, поскольку их быстрота и высокая эффективность могут привести к утрате способности человека к самостоятельному мышлению, о чем уже говорилось ранее. Здесь на повестку дня ставятся прежде всего риски военного применения искусственного интеллекта, следствием чего может стать изменение стратегической и тактической программ, связанных с кибероружием, ядерным командованием, а также сбором разведывательной информации. По мнению специалистов по оборонному планированию, победитель «гонки искусственного интеллекта» станет гегемоном в новом мировом порядке. К тому же, новые технологии, позволяющие манипулировать восприятием противника (включая его население), оказывают значительное влияние на характер современных военных конфликтов², зачастую принимающих форму гибридной войны. Кроме того, создаваемые на основе технологий искусственного интеллекта автоматизированные военные системы для выполнения поставленных задач вполне способны самостоятельно изменить алгоритмы действия, что может привести к непредсказуемым последствиям [18].

Таким образом, приведенные результаты исследований показывают, что технологии искусственного интеллекта способствуют формированию ключевых характеристик «новой нормальности», отмеченных ранее: отсутствие равновесия в социальной системе, стабильности и предсказуемости в поведении акторов в ситуации столкновения с неизвестными ранее явлениями.

В социальной сфере также есть свои уязвимости, связанные с применением технологий искусственного интеллекта. Таковыми в здравоохранении, по мнению Р. Д. Имамеевой, являются следующие: проблема ответственности за ненадлежащие действия систе-

¹ Искусственный интеллект в процессе принятия внешнеполитических решений. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-v-protsepe-prinyatiya-vneshnepoliticheskikh-resheniy/> (дата обращения: 26.02.2025).

² Искусственный интеллект и международные отношения: социальные аспекты и влияние на международную безопасность. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/a-volkov/iskusstvennyy-intellekt-i-mezhdunarodnye-otnosheniya-sotsialnye-aspekt/> (дата обращения: 26.02.2025).

мы искусственного интеллекта; непреднамеренное предвзятое отношение к определенным категориям пациентов; проблемы лицензирования программ; риск психологической неготовности населения принимать медицинскую помощь от роботов; отсутствие законодательной базы на случай возникновения конфликтов между человеком и роботом; проблема ошибочного применения программ искусственного интеллекта медперсоналом; риск постановки непредсказуемых диагнозов и рекомендаций по лечению [7].

Что касается сферы образования, то здесь основными негативными последствиями применения искусственного интеллекта, согласно исследованию Н. А. Коровниковой, являются следующие:

- «цифровой разрыв», заключающийся в неравном доступе участников образовательного процесса к технологиям искусственного интеллекта;
- этические проблемы: конфиденциальность, отсутствие прозрачности и контроля за применением данных технологий, защита данных;
- повышение уровня технологической зависимости, приводящее к ослаблению когнитивных и креативных способностей обучающихся;
- необходимость постоянного совершенствования технических компетенций участников образовательного процесса без учета материально-технических условий;
- унификация и формализация усваиваемых навыков и компетенций;
- отсутствие «живой коммуникации», обуславливающее низкий уровень эффективности образовательной деятельности;
- ухудшение оперативной памяти обучающихся в результате биологических изменений в структуре мозговой деятельности из-за возросшей нагрузки на их психику [9].

Помимо этого, негативное влияние на качество жизни студентов оказывают и другие цифровые технологии. Е. В. Фролова и О. В. Рогач в проведенном исследовании, посвященном проблемам цифровизации высшего образования, выявили снижение уровня мотивированности студентов, обеднение их межличностной коммуникации; поверхностное восприятие учебного материала; слабо развитые навыки критического анализа [21]. А. В. Андреевкова, исследуя влияние цифровизации на межличностное взаимодействие студентов, пришла к неоднозначным выводам: с одной стороны, исследование показало, что цифровое взаимодействие не становится заменой личному, не снижает интенсивность «живого» общения с близкими, а дополняет существующие возможности. С другой стороны, практики длительного времяпрепровождения в социальных сетях, зачастую с выбором безличной формы общения, не предполагающей формирования устойчивых эмоциональных связей с собеседником, негативно сказываются на психологическом благополучии молодых людей [1].

Таким образом, результаты исследований Н.А. Коровниковой, Е. В. Фроловой, О. В. Рогач и А. В. Андреевковой заставляют нас обратить внимание на такие существенные характеристики «новой нормальности», воспроизводящиеся в условиях цифровизации, как трансформация привычных жизненных практик, снижение качества жизни (в т. ч. и из-за потери функциональных навыков в результате развивающейся технологической зависимости и неравного доступа к цифровым технологиям) и усиливающуюся на этом фоне психическую депривацию.

Городская инфраструктура также изменяется под воздействием технологий искусственного интеллекта. Так, А. В. Одинцов к основным проблемам, возникающим в ходе практической реализации концепции «умных городов» в повседневной жизни, относит следующие: цифровое неравенство (приоритет коммерческих интересов вла-

дельцев данных, а не граждан; жесткий контроль над алгоритмами находится у органов местного самоуправления), уклон в типизацию при игнорировании исторического, политического и социально-культурного опыта города, риск утечки данных, шпионаж, риск сбоев в программном обеспечении и технических неисправностей, риск снижения культурного уровня при тотальной зависимости от техники [12].

В бытовой сфере наглядным примером внедрения технологий искусственного интеллекта является концепция «умного дома». Экономия времени, улучшение качества жизни также имеет и обратную сторону медали: утечка данных, слежка, технические сбои, необходимость бесперебойной работы электричества и интернета, высокая стоимость¹. Но помимо «стандартных» для внедрения технологий искусственного интеллекта проблем, в бытовой сфере возможны и более глубокие, затрагивающие непосредственно «человеческое измерение». Это прежде всего риск замены виртуальным помощником и различными гаджетами воспитательных функций родителей («Алиса, расскажи сказку!»), что грозит еще большим ослаблением межпоколенческих взаимосвязей, риск возникновения бытовой беспомощности (например, в случае отказа техники при высокой степени зависимости от нее), а также риск неуспешной социализации в целом, что может стать критичным при попадании в другую социальную среду (учитывая цифровой разрыв в мире и отдельном регионе).

Рассмотренные примеры также говорят о росте социальных уязвимостей, нарушении баланса в социальной системе и повышении уровня социальной неопределенности, а также о негативной трансформации

повседневных жизненных практик в результате применения технологий искусственного интеллекта; улучшение качества жизни в одном аспекте может сопровождаться стагнацией или ухудшением в другом.

Итак, приведенные результаты исследований показывают, что риски применения технологий искусственного интеллекта (в том числе в интеграции с другими цифровыми технологиями) в разных сферах носят схожий характер — большая часть из них связана с проблемами безопасности, распределения ответственности, сложной прогнозируемости последствий, ослабления навыков самостоятельного принятия решений, зависимости от технологий, неравного доступа к технологиям, стандартизации создаваемых продуктов, технических сбоев, что позволяет им воспроизводить сущностные характеристики «новой нормальности», отмеченные ранее. Названные негативные аспекты настолько будут встроены в социальную систему искусственной социальности, что с большой долей вероятности станут восприниматься как «необходимое зло», с которым придется мириться ради всеобщего блага. На подобном «опривычивании» кризисных явлений и основана «новая нормальность». Все это позволяет утверждать, что искусственная социальность является потенциальной формой «новой нормальности».

Антропологические трансформации в «искусственной социальности»

Бурное развитие технологий искусственного интеллекта заставляет исследователей задумываться над вопросом — найдется ли место человеку в обществе искусственной социальности? Насколько изменятся модусы его существования?

По мнению В. И. Игнатьева, в новом социуме основными акторами станут Номо sapiens, Номо sapiens 2.0 в виде биокибернетического гибрида (человек с усовершенствованными частями

¹ О чем переживают пользователи умных домов: россияне поделились опытом использования гаджетов с интеллектом в квартире. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/1643565-ochem-perejivayut-polzovateli-umnyh-domov-rossiyane-podelilis-opytom-ispolzovaniya-gadgetov-s-intellektom-v-kvartire/> (дата обращения: 22.02.2025).

организма, улучшенными физическими и интеллектуальными способностями за счет вживления электронных чипов) и техносубъекты (программы машинного обучения, роботы, алгоритмы работы с Большими Данными, агенты искусственного интеллекта, Интернет вещей и промышленный Интернет, устройства мобильных коммуникаций на основе искусственного интеллекта) [6].

Возьмем эту типологию за основу и немного модифицируем представленные типы акторов, чтобы полнее описать цепочку возможных антропологических трансформаций в обществе искусственной социальности. Таким образом, в новой социальной реальности будут действовать:

- «человек разумный» как субъект традиционной, «естественной» социальности, чья сущность и развитие веками определялись мерами проявления духовности, творчества и свободы;
- «цифровой человек» как типичный гражданин цифрового общества, полностью вовлеченный в отношения с цифровыми технологиями и в особенности с искусственным интеллектом;
- потенциально возможный «биотехнологический гибрид»;
- так называемые «техносубъекты».

По сути, трансформация «человека разумного» выступает источником порождения других типов акторов. Так, при постоянном использовании различных гаджетов на фоне минимизации взаимодействия с реальной, внешней средой происходит деформация нейронных сетей головного мозга, замедляется развитие личности. Поиск своего Я в виртуальной среде создает новую систему ценностей, способствующую адаптации индивида в мире информационных технологий. Однако, как замечает И. Ю. Замчалова, в ситуации тотальной технологизации все меньше внимания уделяется таким ценностям, как любовь, вера, добро, милосердие, долг, совесть. Цифровая жизнь избавляет человека от необходимости обращения к себе, внутрен-

нему Я [5]. Ответ на вопрос, почему так происходит, можно найти в философии С. Л. Франка. Философ пишет, что общение, «взаимодействие «я» и «ты», является важной составляющей нашей внутренней жизни и одновременно связывает нас с внешним миром [20]. Можно заключить, что именно во взаимодействии «я» и «ты» кроется сущность «естественной» или человеческой социальности. В мире «искусственной социальности» теряется глубина межличностных взаимодействий, «ты» здесь обезличивается, анонимизируется, заменяется роботом, для которого, как утверждает Джеймс Баррат, человеческая жизнь ничего не значит¹.

В среде «искусственной социальности» человек одновременно проживает в реальном и виртуальном мирах, что трансформирует его мировоззрение, свойства личности, обостряет проблему социального самоопределения и способствует конструированию нового вида идентичности — виртуальной идентичности. Вследствие подобных трансформаций мы получаем нового типа человека — «цифрового человека» с измененным мышлением, Я-концепцией, привычными практиками взаимодействия с окружающим миром, измененными функциональными и когнитивными навыками в результате тотального вовлечения в отношения с цифровыми технологиями, что грозит превращением некогда «человека разумного» в пассивного потребителя готового контента.

Последнее становится возможным из-за процессов когнитивной разгрузки, вызывающей эффект «ленивого мозга». Так, М. Герлих (Gerlich), исследуя когнитивное и социальное влияние искусственного интеллекта на пользователей, пришел к выводу, что чрезмерная зависимость от цифровых инструментов

¹ Джеймс Баррат о «темной» стороне ИИ: если на планете появится кто-то умнее нас, то он будет определять будущее. URL: <https://digitalbusiness.kz/2023-10-12/dzheyms-barrat-o-temnoy-storone-ii-esli-na-planete-poyavitsya-kto-to-umnee-nas-to-on-budet-opredelyat-budushchee/> (дата обращения: 25.02.2025).

может привести к когнитивной разгрузке, особенно негативно сказываясь на навыках критического мышления. Когнитивная разгрузка посредством технологий искусственного интеллекта подразумевает делегирование ряда задач (удержание в памяти, принятие решений и поиск информации) внешним системам. С одной стороны, это способно улучшить когнитивные способности, позволяя сосредоточиться на более сложной и творческой деятельности, а с другой стороны, это может привести к ослаблению когнитивных усилий, или «когнитивной лени» [26]. Феномен «когнитивной лени» или «ленивого мозга» заключается в привычке использовать готовые решения, ослаблении памяти, снижении творческого потенциала, потере навыков критического мышления, неспособности формулировать сложные запросы, неумении интегрировать результаты в контекст. Соответственно, теряется способность самостоятельно выявлять проблемы и ставить задачи, что ведет к потере базы для инноваций и прогресса, требующих человеческого участия, эмоционального интеллекта и навыков нестандартного мышления¹.

В то же время развиваются пластическая хирургия, имплантология и трансплантология, бионическое протезирование, технологии редактирования генов, дублирования органов, совершенствуя возможности человеческого организма [15]. Эксперименты с внедрением чипов, применение различных биотехнологий могут «человека разумного» превратить не просто в «цифрового человека», а привести к появлению неких «биотехнологических гибридов», по своим физическим и возможно интеллектуальным характеристикам потенциально превосходящих «обычных» людей. Исследователи, занимающиеся проблемами трансгуманизма, справедливо задаются вопросом, можно ли будет считать подобного «постчеловека» человеком, поскольку

прорывные технологии способны радикально изменить те наши сущностные характеристики, благодаря которым мы являемся теми, кто мы есть. Буйнякова И.С. полагает, что синтез искусственного интеллекта, генетики, нанотехнологий, кибертехнологий и биотехнологий, позволяющий восстанавливать поврежденные органы человеческого организма и/или расширить его адаптационные возможности, ведет к модификацию нормы и трансформации социальной реальности, превращая ее в постчеловеческую реальность. Однако увлекшись улучшением человеческой природы, исследователи, по мнению автора, склонны недооценивать потенциальные риски, что может грозить потерей контроля над созданной новой реальностью, которая начнет «жить своей жизнью» [2]. Пока подобные «биотехнологические гибриды» являются только гипотетическими акторами, поэтому сложно судить, насколько радикально «улучшающие технологии» повлияют на интеллект и социальность таких субъектов.

Помимо этого, как утверждает В. И. Игнатьев, получившая широкое распространение в последнее время технократизация общественных сфер жизнедеятельности также потенциально может привести к угрозе человечеству как более слабому виду [6]. И тогда на авансцену новой социальной реальности наряду с биотехнологическим гибридом выйдет новый субъект — «техносубъект».

Как отмечает Ю. Ю. Петрунин, в цифровом обществе человек все чаще определяет машины в качестве социальных сущностей. Искусственные агенты с устройствами обработки сенсорной информации, наделенные знаниями о социокультурных и моральных нормах, вполне будут способны успешно сотрудничать с командой людей, считывать и интерпретировать их психические состояния и поведение [13]. К примеру, уже сейчас появляются личные цифровые помощники как новые техносубъекты, у которых жестко заданы модели мира и сформированы

¹ «Ленивый мозг» — как ИИ влияет на когнитивные способности человека. URL: <https://ast-academy.ru/blog/leniviy-mozg-razbiraemsa-vo-vlianii-iskusstvennogo-intellekta-na-kognitivnye-sposobnosti-cheloveka> (дата обращения: 26.02.2025).

строго определенные сценарии поведения человека. В итоге мы имеем дело с новым шаблоном социального взаимодействия — «человек — искусственный интеллект». Как утверждает В. И. Игнатьев, в последствии техносубъекта начнут рассматривать через призму антропологических критериев и определять как личность. Новый техно-социальный агент через репликацию будет обладать несколькими «жизнями», с определенным комплектом тел и устройств, а их симбиоз с биокибернетическим гибридом и вовсе вытеснит человека, что приведет к созданию общества без человека — техносоциума [6].

Началом подобных драматических изменений, как уже отмечалось ранее, может послужить потенциальная тотальная трансформация «человека разумного» в «цифрового человека». Это станет возможным по причине того, что «человек разумный», тысячелетиями проявлявший себя как творец и творение культуры, со временем может утратить возможность создавать новое — для этого требуется находить время, прилагать усилия, критически и нешаблонно мыслить, однако все эти навыки могут потерять смысл для индивида, «разбалованного» технологиями искусственного интеллекта. Часть людей об этом, возможно, никогда не задумается — комфортная жизнь в обществе потребления, когда «умный дом», «умный город» и прочие устройства интернета вещей берут на себя их обязанности, не способствует духовному и личностному росту. В итоге эта категория индивидов (намеренно или ненамеренно) быстрее всех откажется от своих социальных функций в пользу роботов. Так произойдет замещение «человека разумного» «цифровым человеком», а впоследствии и биотехнологическим гибридом. Другие же осознают, будут сопротивляться, но в неравной схватке естественного интеллекта с искусственным, совершенствующимся с огромной скоростью, будут вытеснены на обочину искусственной социальности, оказавшись в положении маргиналов с пограничностью со-

циального статуса, дистанцированием от нормативного центра, состоянием психической депривации, вызванным неопределенностью смысла своего существования, отсутствием стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Исходя из приведенных выше результатов исследований рисков внедрения технологий искусственного интеллекта в общественную жизнь, можно констатировать, что эти кризисные тенденции наблюдаются уже сегодня, а впоследствии могут быть типизированы в новой социальной реальности.

В результате у «человека разумного» теряются краеугольные антропологические основания. В первую очередь, страдает духовность, возвышающая его над миром других живых существ. Потеря ценностных ориентиров и смысла жизни уже постепенно вводит в состояние неопределенности и заставляет плыть по течению в стандартизированном мире, где все уже придумано и решено. Далее пропадет способность к творчеству, благодаря которому совершенствовались человеческая цивилизация и человеческий разум. Механизация креативности, осуществляемая генеративным искусственным интеллектом, превратит человеческую жизнь в нескончаемый конвейер потребления, где уже не будет места выбору личностью вектора приложения своих способностей из-за обреченности проиграть в соревновании с техносубъектами. И, наконец, потеря контроля над созданной новой реальностью, тотальная зависимость от «умных» сред приведет к утрате свободы, а в особенности свободы духа и мышления, расширяющей горизонты знаний, свободы как способности осуществлять свою волю ради достижения целей, что в итоге не оставит ни малейшего шанса на сопротивление.

Подобные опасения по поводу возможного поглощения человеческого мира техникой отнюдь не новы, но именно с развитием технологий искусственного интеллекта, способного коренным образом изменить функциональные и когнитивные навыки

человека, они стали как никогда актуальны. Пока же «человек разумный», находясь в состоянии тревоги, пытается переосмыслить свои отношения с наступающей новой реальностью. Чтобы все же не допустить реализацию мрачных сценариев развития постчеловеческого общества, стоит обратиться к М. Хайдеггеру: несмотря на то, что с момента прочтения им лекции об «Отрешенности» прошло уже более полувека, человек по-прежнему «не подготовлен к этому изменению мира». Особенно актуально утверждение философа о том, что «даже когда мы бездумны, мы не теряем нашей способности думать», а потому мы должны сказать техническим приспособлениям «да» и «нет» одновременно, впустив их в свою жизнь, но при этом оставляя возможность в любой момент отказаться от них, сохраняя свою свободу [22]. Иными словами, во взаимоотношениях с цифровыми технологиями и в особенности с искусственным интеллектом «человеку разумному» необходимо установить границы и защитить свою социальность.

Заключение

Несмотря на очевидные преимущества (среди которых повышение качества жизни, экономия времени и усилий для более сложных задач, обеспечение более быстрого технологического прогресса), внедрение в общественную жизнь цифровых технологий и в особенности искусственного интеллекта, формирующее социальные контуры искусственной социальности, имеет и негативные последствия, соответствующие характеру «новой нормальности». К их числу можно отнести следующие:

- снижение образовательного и культурного уровня индивида, самодисциплины (зачем проявлять силу воли, тратить время, силы, если «все сделано за нас», теряется любопытство, служащее предвестником творчества, комфорт ослабляет мотивацию);
- формирование мозаичного, или клипового мышления, препят-

ствующего формированию целостной и объективной картины мира;

- высокий уровень стресса из-за ситуации неопределенности, отсутствия стабильности на рынке труда и в жизни в целом, уверенности в завтрашнем дне (когда в любой момент можно потерять работу, проиграв конкуренцию роботу, к тому же пребывая под тотальным контролем), из-за перспектив постоянной слежки, риска несоблюдения конфиденциальности и утечки данных, снижения доверия представителям власти, врачам, учителям, превращающихся в операторов машин;
- вероятность технических сбоев и ошибок программирования на фоне тотальной зависимости человека от техники может привести к коллапсу;
- обеднение межличностных коммуникаций, межпоколенческий разрыв;
- усугубление социального неравенства на основе цифрового разрыва (снижение качества жизни у тех социальных групп, у которых в силу различных причин нет доступа к цифровым технологиям).

Таким образом, мы можем констатировать, что искусственная социальность потенциально обладает всеми чертами «новой нормальности» с ее непредсказуемыми сценариями развития, «оприличиванием» негативных процессов и явлений в социуме, отсутствием стабильности, неопределенностью роли «человека разумного» в мире техносубъектов, имеющего все шансы получить в нем статус маргинала, что означает, что это будет кризисное состояние общества. Искусственный интеллект в сочетании с другими цифровыми технологиями, являясь системообразующим фактором искусственной социальности, выступает центральным звеном в преобразовании искусственной социальности в «новую нормальность».

В настоящее время прогнозы в отношении будущего человека

в цифровом обществе разнятся. Сторонники широкого внедрения технологий искусственного интеллекта оптимистично утверждают, что в результате передачи искусственному интеллекту ряда функций, выполняемых ранее человеком, освободится время для решения более сложных и творческих задач. Другие же видят в повсеместном внедрении алгоритмов риски для самого человечества, предвещая ему умственную деградацию и даже крах в самых мрачных прогнозах. И для этого есть веские основания — если мы будем делегировать все больше и больше функций виртуальным помощникам, постепенно усложняя им задачи (а это неизбежно), будет ли «естественный» интеллект развиваться? Захотим ли мы тратить свое время, силы на обдумывание и изобретение того, что машина может сделать за кратчайший промежуток времени, освобождая его нам для комфортной жизни в обществе потребления?

Тем не менее искусственная социальность пока только формируется, а значит, является лишь потенциальной формой «новой нормальности». Кризиса удастся избежать, если «человек разумный» приложит все силы, чтобы не терять контроль над своей жизнью, помнить о ее ценностях, смысле, предназначении, самоопределении, саморазвитии; не позволить себе оказаться в тотальной зависимости от технологий, чтобы в случае сбоя в которых не превратиться в беспомощное существо в эпицентре шторма. Равноправное сотрудничество с искусственным интеллектом поможет занять и сохранить прочный статус в мире «искусственной социальности». Но вопрос в том, насколько оно возможно? Пока карт-бланш у «естественного» интеллекта.

1. Андреевкова, А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса / А. В. Андреевкова // Мониторинг общественного

мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 6. — С. 403–426. DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1749. EDN OKHUXS.

2. Буйнякова, И. С. Философско-этические проблемы биотехнологического «улучшения» человека / И. С. Буйнякова // Logos et Praxis. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 49–55. DOI <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.7>. EDN YVCQJV.

3. Булатов, А. С. Новая нормальность / А. С. Булатов // Мировое и национальное хозяйство. — 2020. — № 3 (52). — URL: https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 14.07.2024).

4. Гаджиев, К. С. Турбулентия современного мира через призму коронавирусной пандемии / К. С. Гаджиев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — № 13 (5). — С. 253–272. DOI <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-14>. EDN HNUUWT.

5. Замчалова, И. Ю. Искусственный интеллект: риски и перспективы культуры / И. Ю. Замчалова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2023. — № 5. — С. 102–110. DOI <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-5-102>. EDN BJCPZT.

6. Игнатьев, В. И. И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности / В. И. Игнатьев // Социология науки и технологий. — 2019. — № 1 (10). — С. 64–78. DOI 10.24411/2079-0910-2019-10005. EDN XPCNHJ.

7. Имамеева, Р. Д. Риски создания и функционирования искусственного интеллекта в медицине / Р. Д. Имамеева // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. — 2021. — № 1(27). — С. 33–40. DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-33-40. EDN AUOAIL.

8. Коданева, С. И. Перспективы и риски внедрения искусственного интеллекта в государственном управле-

нии / С. И. Коданева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. — 2021. — №1. — С. 131–139. DOI 10.31249/rgpravo/2021.01.14. EDN SJSHWS.

9. Коровникова, Н. А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы / Н. А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. — 2021. — № 2. — С. 98–113. DOI 10.31249/snsn/2021.02.07. EDN UYZSBM.

10. Кравченко, С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции / С. А. Кравченко // Социологические исследования. — 2014. — № 8. — С. 3–10. EDN SOARRD.

11. Мартыненко, Т. С., Добринская, Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву / Т. С. Мартыненко, Д. Е. Добринская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 1. — С. 171–192. DOI 10.14515/monitoring.2021.1.1807. EDN ZMNKKY.

12. Одинцов, А. В. Основные риски реализации концепции «умного города» / А. В. Одинцов // Социодинамика. — 2019. — № 10. — С. 1–8. DOI 10.25136/2409-7144.2019.10.30636. EDN PRZZSE.

13. Петрунин, Ю. Ю. Развитие концепции социального искусственного интеллекта / Ю. Ю. Петрунин // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2023. — № 1. — С. 93–112. EDN UYVVCs.

14. Плиев, С. М. «Новая нормальность» в современном мире: исторические аспекты и актуальные политические практики / С. М. Плиев // Новое прошлое. — 2021. — № 3. — С. 214–220. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-214-220. EDN GNOOCQ.

15. Положихина, М. А. Эволюция Homo sapiens: от естественной к искусственной? (Обзор) / М. А. Положихина // Социальные новации и социальные науки. — 2022. — № 4. — С. 7–28. DOI 10.31249/snsn/2022.04.01. EDN COXCUH.

16. Резаев, А. В., Трегубова, Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 6. — С. 35–47. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. EDN DEAUGI.

17. Смирнов, А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность / А. В. Смирнов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 1. — С. 129–153. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>. EDN SZLWQF.

18. Сучков, М. А. «Геополитика технологий»: международные отношения в эпоху Четвертой промышленной революции / М. А. Сучков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2022. — Т. 15. Вып. 2. — С. 138–157. DOI <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.202>. EDN MQEWLW.

19. Тавокин, Е. П. Искусственность «искусственной социальности» / Е. П. Тавокин // Социологические исследования. — 2019. — № 6. — С. 115–122. DOI 10.31857/S013216250005487-8. EDN ZSVOKD.

20. Франк, С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк; сост. П. В. Алексеев; прим. Р. К. Медведевой. — М. : Республика, 1997. — 479 с.

21. Фролова, Е. В., Рогач, О. В. Дисфункции цифровизации высшего образования (опыт пандемии COVID-19) / Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 6. — С. 84–107. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2265>. EDN RKOESD.

22. Хайдеггер, М. Отрешенность. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. — М. : Высшая школа, 1991. — С. 102–112.

23. Bozkurt, A., Sharma, R. C. Education in normal, new normal, and next normal: Observations from the past, in-

sights from the present and projections for the future / A. Bozkurt, R. C. Sharma // Asian Journal of Distance Education. — 2020. — 15 (2). — URL: <http://www.asianjde.com/ojs/index.php/AsianJDE/article/view/512/329> (дата обращения: 22.02.2025). DOI <https://doi.org/10.5281/zenodo.4362664>.

24. Dasgupta, M. Sociological relevance of «new normal»: exploring new social norms and practices / M. Dasgupta. — URL: <https://adamasuniversity.ac.in/sociological-relevance-of-new-normal-exploring-new-social-norms-and-practices/> (дата обращения: 22.02.2025).

25. El-Erian, M. A. Navigating the New Normal in industrial countries / M. A. El-Erian // International Monetary Fund, 2010. — URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp101010> (дата обращения: 22.02.2025). EDN QUSCYT.

26. Gerlich, M. AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking / M. Gerlich // Societies. — 2025. — V. 15 (1), 6. — URL: <https://www.mdpi.com/2075-4698/15/1/6> (дата обращения: 26.02.2025). DOI <https://doi.org/10.3390/soc15010006>.

27. Malinetsky, G., Smolin, V. The artificial intelligence influence on real sociality / G. Malinetsky, V. Smolin // Procedia Computer Science. — 2021. — Volume 186. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050921009868> (дата обращения: 14.07.2024). DOI <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.04.155>. EDN BM-KXKH.

28. Natale, S. Depounti, I. Artificial sociality / S. Natale, I. Depounti // Human-Machine Communication. — 2024. — Volume 7. — URL: <https://stars.library.ucf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=hmc> (дата обращения: 14.07.2024). DOI 10.30658/hmc.7.5. EDN BFMAHD.

29. Nawaz, S., Bhowmik, J. Adapting to the new normal: Understanding the impact of COVID-19 on technology usage and human behaviour / S. Nawaz, J. Bhowmik, T. Linden, M. Mitchell // Entertainment Computing. — 2024. — 51. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1875952124000946> (дата

обращения: 22.02.2025). DOI 10.1016/j.entcom.2024.100726. EDN XGHSOC.

30. Rezaev, A. V., Tregubova, N. D. Are sociologists ready for 'artificial sociality'? Current issues and future prospects for studying artificial intelligence in the social sciences / A.V. Rezaev, N. D. Tregubova // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. — 2018. — No. 5. — pp. 91-108. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.10>. EDN YPEJVJ.

31. Ripamonti, S. C. Care Ethics Management and Redesign Organization in the New Normal / S.C. Ripamonti, L. Galuppo, S. Petrilli, S. Dentali, R.G. Zuffo // Frontiers in Psychology. — 2021. — V. 12. — URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.747617/full> (дата обращения: 22.02.2025). DOI 10.3389/fpsyg.2021.747617. EDN BMLFIV.

References

1. Andreenkova, A. V. (2020) Digitalization of Social Contacts Among University Students in Russia During COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 403–426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749>. <https://elibrary.ru/okhuxs>.

2. Buinyakova, I. S. (2017) Philosophical and ethical issues of biotechnological "human enhancement". *Logos et Praxis*, 16 (3), pp.49-55. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.7>. <https://elibrary.ru/yvcqjv>.

3. Bulatov, A. S. (2020) The "new normal". *Mirovye i natsional'noe khozyaistvo*, no. 3 (52). available at: https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/novaya-normalnost?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed 14.07.2024).

4. Gadzhiev, K. S. (2020) Turbulence of the Modern World through the Prism of the Coronavirus Pandemic. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 13(5), pp. 253–272. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-14>. <https://elibrary.ru/hnuuwt>.

5. Zamchalova, I. Yu. (2023) Artificial intelligence: risks and perspectives of

culture. *Intellekt. Innovacii. Investicii [Intellect. Innovations. Investments]*, Vol. 5, pp. 102-110. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2024.2.70030>. <https://elibrary.ru/bjcpzt>.

6. Ignat'ev, V. I. (2019) And the "Other" Actor is Coming... The Formation of Tehnosubject in the Context of the Movement to Technological Singularity. *Sociology of science and technology*, no. 1 (10), pp. 64-78. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-10005>. <https://elibrary.ru/xp-chxj>.

7. Imameeva, R. D. (2021) The risks of creation and functioning of artificial intelligence in medicine. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki*, no. 1(27), pp. 33-40. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2021-1-33-40>. <https://elibrary.ru/auoail>.

8. Kodaneva, S. I. (2021) Prospects and risks of implementing artificial intelligence in public administration. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyi zhurnal*, no. 1, pp. 131-139. <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.01.14>. <https://elibrary.ru/sjshws>.

9. Korovnikova, N. A. (2021) Artificial intelligence in the educational space: problems and prospects. *Social Novelties and Social Sciences*, no. 2, pp. 98-113. <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.02.07>. <https://elibrary.ru/uyzsbm>.

10. Kravchenko, S. A. (2014) «A normal anomie»: contours of conception. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 3-10. <https://elibrary.ru/soarrd>.

11. Martynenko, T. C., Dobrinskaya, D. E. (2021) Social Inequality in the Age of Algorithms: From Digital to Algorithmic Divide. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 171-192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>. <https://elibrary.ru/zmnkky>.

12. Odintsov, A. V. (2019) Major risks of implementation of "smart city" concept. *Sotsiodinamika*, no. 10, pp. 1-8. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.10.30636>. <https://elibrary.ru/przzse>.

13. Petrunin, Yu. Yu. (2023) Development of the concept of social artificial

intelligence. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*, no. 1, pp. 93-112. <https://elibrary.ru/uyvvcv>.

14. Pliev, S. M. (2021) "New Normal" in the Modern World: Historical Aspects and Current Political Practices. *The new past*, no. 3, pp. 214-220. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-3-214-220>. <https://elibrary.ru/gnoocq>.

15. Polozhikhina, M. A. (2022) Evolution of Homo sapiens: from natural to artificial? (Review). *Social novelties and social sciences*, no. 4, pp. 7-28. <https://doi.org/10.31249/snsn/2022.04.01>. <https://elibrary.ru/coxcuh>.

16. Rezaev, A. V., Tregubova, N. D. (2019) Artificial Intelligence, On-line Culture, Artificial Sociality: Definition of the Terms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 35-47. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. <https://elibrary.ru/deaugi>.

17. Smirnov, A. V. (2021) Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 129-153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>. <https://elibrary.ru/szlwqf>.

18. Suchkov, M. A. (2022) "The geopolitics of technology": International relations and the fourth industrial revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 15 (2), pp. 138-157. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.202>. <https://elibrary.ru/mqewlw>.

19. Tavokin, E. P. (2019) Artificiality of the «Artificial Sociality». *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 115-122. <https://doi.org/10.31857/S013216250005487-8>. <https://elibrary.ru/zsvokd>.

20. Frank, S. L. (1997) Reality and man. Moscow, Respublika, 479 p.

21. Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2022) Dysfunctions of the Digitalization of Higher Education (Experience of the COVID-19 Pandemic). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 84-107. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2265>. <https://elibrary.ru/rkoesd>.

22. Hajdegger, M. (1991) Detachment. A conversation on a country road. Moscow, Vysshaja shkola, pp.102-112.

23. Bozkurt, A., Sharma, R. C. (2020). Education in normal, new normal, and next normal: Observations from the past, insights from the present and projections for the future. *Asian Journal of Distance Education*, 15 (2). available at: <http://www.asianjde.com/ojs/index.php/AsianJDE/article/view/512/329> (accessed 22.02.2025). <https://doi.org/10.5281/zenodo.4362664>.
24. Dasgupta, M. (2020) Sociological relevance of «new normal»: exploring new social norms and practices. available at: <https://adamasuniversity.ac.in/sociological-relevance-of-new-normal-exploring-new-social-norms-and-practices/> (accessed 22.02.2025).
25. El-Erian, M. A. (2010). 'Navigating the New Normal in industrial countries. International Monetary Fund. available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp101010> (accessed 22.02.2025). <https://elibrary.ru/quscyt>.
26. Gerlich, M. (2025). AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking. *Societies*, 15(1), 6. available at: <https://www.mdpi.com/2075-4698/15/1/6> (accessed 26.02.2025). <https://doi.org/10.3390/soc15010006>.
27. Malinetsky, G., Smolin, V. (2021) The artificial intelligence influence on real sociality. *Procedia Computer Science*, V. 186. available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050921009868> (accessed 14.07.2024). <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.04.155>. <https://elibrary.ru/bmkxkh>.
28. Natale, S. Depounti, I. (2024) Artificial sociality. *Human-Machine Communication*, Volume 7. available at: <https://stars.library.ucf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=hmc> (accessed 14.07.2024). <https://doi.org/10.30658/hmc.7.5>. <https://elibrary.ru/bfmahd>.
29. Nawaz, S., Bhowmik, J., Linden, T., Mitchell, M. (2024). Adapting to the new normal: Understanding the impact of COVID-19 on technology usage and human behaviour. *Entertainment Computing*, 51. available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1875952124000946> (accessed 22.02.2025). <https://doi.org/10.1016/j.entcom.2024.100726>. <https://elibrary.ru/xghsoc>.
30. Rezaev, A. V., Tregubova, N. D. (2018) Are sociologists ready for 'artificial sociality'? Current issues and future prospects for studying artificial intelligence in the social sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5, pp. 91–108. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.10>. <https://elibrary.ru/ypejvj>.
31. Ripamonti, S. C., Galuppo, L., Petrilli, S., Dentali, S., Zuffo, R. G. (2021) Care Ethics Management and Redesign Organization in the New Normal. *Frontiers in Psychology*, V. 12. available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.747617/full> (accessed 22.02.2025). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.747617>. <https://elibrary.ru/bmlfiv>.

For citing: Antonova, N. V. (2025)
Artificial sociality as a potential form
of "new normalcy".
Sotsium i vlast/Society and Power, 22 (1), pp. 24-45.
<https://doi.org/10.22394/1996-0522-2025-1-24-45>.
<https://elibrary.ru/lglngv>.

SCIENTIFIC ARTICLE

HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7, 5.7.8

UDC 141.201+ 316.4.063.6

EDN LGLNGV

DOI 10.22394/1996-0522-2025-1-24-45

ARTIFICIAL SOCIALITY AS A POTENTIAL FORM OF "NEW NORMALCY"

Natalya V. Antonova,

South Ural State University,
Associate Professor, Department of Sociology,
Cand. Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia.
ORCID 0000-0001-6482-5739
SPIN 9890-3790
E-mail: antonovanv@susu.ru

Abstract

The author explores the essence of artificial sociality as a potential form of "new normalcy" and describes possible anthropological transformations in the new social reality. The concept of "new normalcy" as a crisis state of society is revealed through economic, political and socio-cultural aspects, and its key features are pointed out. Through the prism of the latter, a special form of sociality forming in the digital society, called "artificial sociality", is analysed. For this purpose, the main risks associated with the introduction of artificial intelligence

technologies (including its hybrid forms when integrated with other digital technologies) in the social, political and economic spheres are considered; their similar nature and ability to reproduce the essential characteristics of the "new normal" are noted. A general description of the essence of the artificial sociality phenomenon is given, its main features are outlined, and it is noted that artificial sociality has all the features of the "new normalcy" in its crisis meaning. The author also describes anthropological transformations potentially possible in artificial sociality, the essence of which is defined in the context of human interaction with artificial intelligence and other digital technologies. The conclusion is made about the marginal position of "reasonable man" in the environment of artificial sociality. In conclusion, it is noted that artificial sociality is still in the process of formation, which means that there is a possibility to avoid the crisis under the condition of equal co-operation between humans and artificial intelligence.

Keywords:

new normalcy,
artificial intelligence,
artificial sociality,
digital society,
digital technologies,
anthropological transformations

*Article received: 15.07.2024**Reviews received: 09.03.2025**Accepted for publication: 12.03.2025*

Copyright: © Antonova N. V. (2025).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.
Open access under CC BY-NC License 4.0.